

Истинная Истина

Ольга
Дмитриева

Ольга Дмитриева

Истовая истина

<https://litres.ru/74110453>

SelfPub; 2026

Аннотация

В городе, где самые абсурдные конспирологические теории оказываются правдой, герой пытается разгадать, кто стоит за этими странностями, даже если ответы будут стоить ему рассудка.

Ольга Дмитриева

Истовая истина

Глава 1

1

В магазине было жарко.

-Вж-вж, - муха летала над стеллажами, высматривая место для отдыха и трапезы.

В отделе круп копошился кто-то большой и мягкий.

- Вж-ж? – спросила муха и спикировала в сторону лысого островка на макушке человека.

В её мире вопросы ставились, превращались в гипотезы и молниеносно подвергались проверке. Времени для долгих и нудных размышлений, как у людей, не было. Именно мухи придумали выражение: «Жизнь слишком коротка: садись и питайся».

- Вж-жжж, - приземлившись, с облегчением выдохнула муха. Проворные хоботки начали исследовать местность.

- Вж! – воскликнула муха, обнаружив сладкие капли пота на голове человека - вот удача, но радость была недолгой – внизу что-то завибрировало.

Земля затряслась под лапками, откуда-то сбоку возникло что-то большое и понеслось прямо к мухе.

- Вжжжж! – панически закричала она и взмыла ввысь.

Муха подлетела к окну и, пару раз ударившись об стекло, вылетела наружу, так и не познакомившись с источником своего страха.

Владельцем лысой макушки и большого мягкого тела оказался Живоглядов Эммануил Порфирьевич – биолог на пенсии.

Фигуры он был грушевидной, облачённой в лёгкие мужские брюки и рубашку, которую из-за жары пришлось неприлично расстегнуть на две пуговицы. На его ногах красовались блестящие кожаные мокасины, купленные за границей ещё лет двадцать назад. Можно было сделать вывод: в моде Эммануил Порфирьевич был не последним человеком, а может быть предпоследним и любил наряжаться, выходя из дома даже в магазин.

Мужчина почесал макушку и, достав из кармана рубашки расчёску, провёл ей по мокрым от пота седым волосам.

- Фух, ну и жарница! – громко произнёс он в надежде завести с кем-нибудь диалог о том «Какая нынче погода! А вот раньше бывало...» или «Эти магазины совсем ополоумели! Их кондиционеры вообще работают?», но никто не поддержал его порыв. Покупатели продолжили сонно плыть по магазину, минуя Эммануила Порфирьевича.

«Никто не оценил моё стремление», - с грустью подумал

он и, вытерев пот со лба, продолжил изучение продуктовых полок: «Такс, посмотрим, что нам осталось прикупить».

Порывшись в кармане, Эммануил Порфирьевич вытащил смятый листок разлинованной бумаги, где чёрными, расплывшимися чернилами был написан список:

- Колбаса
- Тревожный сыр (сердито зачёркнуто и исправлено на «творожный»)
- Молоко – 2 шт.
- Яйца
- Хлеб столичный
- Фарш мясной
- Картошка
- Лук

«Такс, стало быть, осталось прикупить колбаски и можно идти домой», - подумал мужчина и направился в мясной отдел.

- Порфирич! – произнесла розовощёкая продавщица. – Что сегодня желаем-с? У нас тут привезли такую баранину, обалдеешь. Или может быть курочку тебе, как обычно?

- Здравствуйте, - смущённо ответил он, вглядываясь в прилавок. – Мне сегодня, пожалуйста, только колбасу докторскую.

Продавщица провела рукой над прилавком, намекая на широту ассортимента:

- Колбаску значит? Какую тебе колбаску надо? У нас тут

видишь, как много её. Объеешься, не хочу.

И, правда: одной только гладкой розовой докторской было пять видов, а ещё ветчина, сервелат и прочие.

- Да, много у вас её. Мне, пожалуй, вот эту, ту, что поближе...

— Вот эту? - продавщица направила палец с длинным красным ногтем в сторону прилавка.

- Да-да, спасибо.

— Это всё, голубчик?

- Всё-всё, - промямлил Эммануил Порфирьевич, удаляясь.

Общаться с продавщицей он не желал: «Покуда с ней говоришь, каким-то образом в корзине у тебя оказывается товара больше, чем ты рассчитывал, что влетает в копеечку на кассе».

Пора было идти оплачивать покупки, тем более что находиться в такую жару в душном помещении становилось невыносимо.

Эммануил Порфирьевич доковылял до кассы, шумно поставил корзину на пол и остановился, стараясь отдышаться.

«Чёрт бы побрал этот магазин. Лучше бы я сидел дома в такую жару. Дома хорошо и прохладно», - думал он, вытирая пот.

- Оплачивать будете? - процедила кассирша с высоким хвостиком светлых волос. – Мужчина, задерживаете кассу.

- Буду-буду. Кто ж виноват, что у вас так жарко... – про-

бормотал Эммануил Порфирьевич, торопливо выкладывая товары на ленту.

- Что-что вы там бурчите, мужчина? – сказала кассирша, сканируя товар. - Да, жарко у нас. Думаете, нам так нравится? Сломался кондиционер. А когда починят – неизвестно.

- Понимаю, ладно. По карте принимаете?

- Да, оплачивайте, мужчина, побыстрее.

Эммануил Порфирьевич так и не понял, почему кассирша его торопит, ведь за ним не было очереди, но послушно взял пакет и направился к выходу.

Вместо ветерка, который бы обдул лысину Эммануила Порфирьевича, даруя ему блаженство, его встретили неприветливая духота и мутное серое напряжённое небо, что часто бывает перед дождём.

«Чёрт тебя дери, сейчас ещё и ливанёт. Добраться бы до дому вовремя», - думал мужчина, прикидывая каким маршрутом ему лучше пойти. Тут его мысли прервал знакомый женский голос:

- Эммануил Порфирьевич! – со скамейки его окликнула девушка с гладким кукольным личиком и рыжими пушистыми волосами. – А вы чего гуляете и ещё не дома? Не видите, что ли какой дождь намечается?

Словно в подтверждение слов девушки, серое небо потемнело ещё больше, а откуда-то издалека раздался гром.

- Валечка! – воскликнул Эммануил Порфирьевич, приближаясь к девушке. – А ты чего здесь? Что читаешь? – са-

дьясь рядом, он указал на журнал с ярким оформлением. – Неужели это снова оно, ну, нет, Валечка. Ты ведь умная де-вушка.

Он взял в руки журнал с ярко-красным названием на обложке «Истовая истина» и странным рисунком летающей тарелки и маленьких инопланетян, окруживших её словно насекомые.

- Какая пошлость, - с нескрываемым восторгом Эммануил Порфирьевич стал разглядывать обложку. – Что это у нас тут? Хм, зелёные человечки, хм, интересно. Страница десять. Поглядим-поглядим.

«Они уже среди нас!

Вы приходите домой и замечаете что-то странное?

Ваша мама ведёт себя иначе? Она насвистывает что-то под нос, хотя раньше такого никогда не было?

Будьте начеку!

Это уже не ваша мама – её захватил инопланетянин-паразит...»

- Ну, всё-всё, Эммануил Порфирьевич. Ну, не издевайтесь. Я знаю, что вы человек учёный и ни во что не верите...

- Валя забрала журнал.

- Верю, Валечка, верю, но только если это доказано наукой, - в знак важности своего заявления и преданности науке он направил вверх указательный палец. – Всему нужны доказательства.

- Но правда ведь, что прежде, чем явление будет доказа-

но, может пройти какое-то время? В мире столько необъяснимых вещей, до которых наука пока не добралась!

— Это верно, Валечка. Но об этом явно не напишут в паршивой газетёнке Дороговещенска! Если бы такие явления действительно существовали, то наука уже бы до них, так или иначе, добралась. А пока они больше вредят. Вызывают страх и панику у населения.

Валечка задумалась. Её взгляд, грустный и отрешённый, заинтересовал Эммануила Порфирьевича.

- Валечка, что с тобой? У тебя всё хорошо?

- Да-да, всё как обычно.

- Ты ведь знаешь, что можешь на меня положиться? Мы ведь не чужие люди. Я столько лет дружил с твоим дедушкой и пообещал ему за тобой приглядывать.

Валечка улыбнулась и ответила:

- Знаю, Эммануил Порфирьевич, знаю. Я очень это ценю, но не переживайте – я взрослый человек и сама со всем разберусь.

- В этом я не сомневаюсь. Ну, что, взрослый человек, давай попробуем не попасть под дождь?

- Да, пора домой!

Подгоняемые короткими вспышками молний в густом тёмно-фиолетовом небе, они добежали до пятиэтажного дома. Валечка открыла дверь в подъезд.

Внутри запахло сыростью из подвала. Добравшись до третьего этажа, они собрались прощаться, как вдруг на двери

в квартиру Вали Эммануил Порфирьевич заметил странный символ, нарисованный белым мелом.

- Что это? – он подошёл к рисунку и пригляделся.

- Не знаю, дети, наверное. Постоянно что-то подобное вытворяют. Не переживайте, я позже сотру, - ответила Валечка.
– Вам помочь продукты донести до кухни?

- Нет, не нужно. Я хоть и старый, но пока не такой беспомощный. Спасибо тебе, Валечка, за компанию. До свидания,
- Эммануил Порфирьевич выудил из связки нужный ключ и открыл дверь из тёмного металла.

Войдя в квартиру, Эммануил Порфирьевич разулся, отнёс пакет на кухню, сел за стол и достал из кармана небольшой блокнот, в который сразу же занёс набросок символа с двери Вали. Это был глаз внутри скрещенных квадратов.

- Интересно, - произнёс он, убирая блокнот в карман брюк.

Позже, когда Эммануил Порфирьевич был занят готовкой картофельной запеканки, и всё в квартире наполнилось вечерним уютом, с лестницы послышались голоса, один из которых он узнал сразу. Это была Валечка.

Съедаемый любопытством, особенно присущим одиноким пожилым людям, он подошёл к входной двери и посмотрел в глазок.

На лестнице стояла Валя. В домашнем халате, скрестив руки на груди, она с кем-то ожесточённо спорила.

- Нет, ты не понимаешь! – услышал Эммануил Порфирье-

вич голос Валечки.

- ... - сказал другой низкий, женский голос.

- Нет, и я не собираюсь оправдываться за... - остаток предложения утонул в гуле подъезда. - Нет, пусть разбираются с этим сами. У меня своя жизнь. Скажи им отстать от меня и не надо здесь мусорить! – Валечка потянулась вперед, забрала у собеседницы сигарету и затушила её о каменный пол.

– Что с тобой? Ты никогда не курила. Всё, уходи, – резко сказала Валечка, отмахнулась и с силой захлопнула дверь.

Эммануил Порфирьевич весь обратился в слух, пытаясь узнать ещё что-то, но кроме тяжёлых шагов, не услышал ничего.

Оторвавшись от двери, он почувствовал неприятный запах сгоревшей еды и бросился спасать запеканку.

- Чёрт! – дно стеклянной формы почернело.

«Если снизу отковырять картошку, то есть будет можно».

Вспомнив про загадочную гостью, Эммануил Порфирьевич ринулся к окну, но никого интересного там не увидел. Должно быть, пока он спасал свой ужин, человек-загадка успел уйти.

Утро Эммануила Порфирьевича начиналось рано - около семи.

Прежде всего, он чистил ряды оставшихся зубов, причёсывался и споласкивал лицо ледяной водой – для свежести и упругости кожи.

Затем завтрак: два яйца, сваренные вкрутую, кусочек колбасы, сыра и хлеба. Экспериментов с едой он не любил, ведь знал, что именно такой приём пищи насытит на несколько часов и будет полезен для его уже немолодой системы пищеварения.

И не забыть про чашечку кофе – чёрного, ароматного и из любимой кружки с фотографией кошки.

Кстати, о кошке – следующим утренним ритуалом было покормить Пупу.

- Эй, - произнёс Эммануил Порфирьевич, когда его с ног чуть не сбило нечто чёрное и блестящее с ярко-жёлтыми глазами. – Пупа, куда ты так бежишь? Не надо подчищать весь корм, ты ведь снова объешься!

Оказавшись на кухне, Пупа с невинным видом облизнулась. Она посмотрела на Эммануила Порфирьевича и, протянув многозначительное «мяу» указала лапой на пустую миску.

- Ха! Как ты успела? Я уверен, что она была наполовину

полной, - проворчал Эммануил Порфирьевич, извлекая новый пакетик с кормом из шкафа. – Ах, ты хитрюшка моя, ах ты хрюшка! Ну, хорошо, вот ваш завтрак, миледи.

Миледи холодно взглянула на Эммануила Порфирьевича и с жадностью изголодавшегося хищника вгрызлась в новую порцию корма.

- Теперь пора и мне позавтракать, если вы не против.

Из глубины миски послышалось «мурааау» из чего можно было сделать вывод, что дальнейшая личная жизнь «хозяйина» Пупе неинтересна. По крайней мере, до обеда.

Два яйца уже стучали в ковшике, когда Эммануил Порфирьевич постелил на маленький круглый стол симпатичную голубую салфетку с узором, на которую поставил тарелку с приборами и подставку для яиц.

После завтрака можно было насладиться чтением, но сегодня слова и предложения собирались в ком, пропадали и сваливались куда-то в глубину подсознания.

Эммануил Порфирьевич думал о событиях вчерашнего дня, об осторожном поведении Валечки, о фигуре на лестнице и, конечно, о загадочном символе на двери соседки. Странное чувство тревоги росло и копошилось внутри. Надвигалось что-то неведомое, неотвратимое.

Эммануил Порфирьевич отложил книгу и направился в гостиную. Там он нашёл на книжной полке рамку с фотографией, где был изображён он, ещё не испещрённый морщинами, и симпатичная брюнетка со светлыми глазами и боль-

шим прямым носом, подчёркивающим благородность её лица.

«В последний раз я испытывал это чувство, когда ты болела, и уже становилось понятно, к чему всё идёт, Лидочка, - подумал Эммануил Порфирьевич и протёр стекло рамки рукавом рубашки. — Я знаю, что ты бы сказала: не тревожься о том, что пока не произошло. Ты была бы права, но что я могу сделать, если так уж я устроен — хочу заранее подготовиться к потрясениям и держать всё под контролем».

Он вздохнул, поставил рамку с фотографией на место и осмотрелся.

У окна, на небольшом письменном столе, стояла кофейная кружка, и были разбросаны листы бумаги. Вчерашний костюм прикорнул с подушками на тёмно-зелёном диване, а кофейный столик покрылся крошками и пятнами чая. Светло-бежевый ковёр потускнел от пыли, кошачья лежанка вся покрылась чёрной шерстью.

Эммануил Порфирьевич принялся за уборку - протёр пыль, пропылесосил ковёр, вымыл полы (отчего у него в поясице что-то заклокотало и позже заболело), поухаживал за растениями на балконе, уделив внимание каждому листочку и веточке.

После Эммануил Порфирьевич лёг на диван с чувством полного удовлетворения. Даже тревожные мысли улетучились сами собой.

— Вот теперь мне легко и блаженно, - произнёс он, ски-

дывая тапки с опухших ног с похожими на ветви дерева выпуклыми венами.

- Мрау! - произнесла Пупа, запрыгивая на диван к «хозяину», чтобы улечься к нему на грудь.

Всё в квартире стало вдруг уютно, воздушно и бедный разум Эммануила Порфирьевича, наконец, освободился от старческой плоти и улетел далеко, туда, где всё вторит этому миру, но иначе, с фантазией и вкусом.

Проще говоря, Эммануил Порфирьевич уснул. Прежде чем страна снов его затянула, он почувствовал, как по его телу прогуливается муха, но не стал её прогонять.

Эммануил Порфирьевич обнаружил себя сидящим на фонаре. Его крохотные кривые лапки чистили крылышки.

Внизу шумная толпа людей шла строем в сторону большой сцены, украшенной флагами и шариками.

«День города, - догадалась муха Эммануил Порфирьевич, почёсывая тельце. – Разве он не через месяц? О чём там говорят со сцены?».

Встряхнув крылышками, он взлетел и направился ближе к представлению. Кто-то в толпе показался ему знакомым, и он завис в воздухе.

Девушка мотнула головой, разметав тёмные локоны по широким, но хрупким плечам. На ней было пёстрое платье с короткими рукавами. Она шла уверенно, и было неясно, улыбается ли тому, что видит впереди или тому, что таилось в её мыслях.

Эммануил Порфирьевич так обрадовался, что совершенно забыл о своём текущем положении и закричал беззвучно: - Лидочка! Лидочка, что ты тут делаешь?

Предсказуемо никто его не услышал, и толпа продолжила ровное движение в сторону сцены.

Эммануил Порфирьевич ругнулся и полетел за женой.

Оказалось, что не только люди его не понимали, но и он перестал понимать человеческую речь. У сцены, в самой гу-

ще событий, он услышал речь мэра города - Усталовой Ирины Васильевны:

- Бббббам ббуууууббббауауауаауа бабау, - поправив похожую на парик прическу седых волос, она что-то рассказывала толпе. – Буумубббум бубу бум, бум?

Толпа волнообразно и лениво что-то ответила, и мэр продолжила.

- Бубубум бубум! – тон её стал торжественным. – Бум!

Вдруг Эммануил Порфирьевич почувствовал вибрации воздуха и заметил сзади что-то яркое.

Через секунду испуганная толпа бежала. Кто-то взбирался на сцену, кто-то падал. Эммануил Порфирьевич заметался в воздухе, заразившись этим страхом, и искал глазами жену.

Лидочка забралась на сцену, но вместо того, чтобы бежать, уверенной рукой взяла микрофон и сказала:

-

Маня, берегись!

Эммануил Порфирьевич проснулся.

Пупа мирно похрюкивала во сне, прижавшись к его боку.

Эммануил Порфирьевич сидел в любимом кресле из мягкой коричневой ткани и читал. На коленях лежала Пупа, смешно подёргивая усами, словно что-то унюхав во сне.

Чтение не шло, и он отложил книгу.

Поглаживая кошку, Эммануил Порфирьевич вспоминал сон, силясь разгадать его тайну.

«День города или какой-то другой праздник. Толпа. Лида».

Его бровь предательски зачесалась, пришлось прервать размышление и начать заново:

«Праздник. Толпа, а в ней Лида, которая чему-то улыбается. Или нет? Не помню, но точно не смотрит вперёд на сцену. На сцене мэр города или кто-то похожий на неё, со странной причёской».

Теперь зачесалось ухо и так сильно, что Эммануилу Порфирьевичу пришлось прекратить гладить Пупу, чтобы освободить обе руки для чесания.

Пупа недовольно мяукнула, спрыгнула с колен «хозяина» и, чтобы снять стресс, направилась в кухню, к миске с едой.

«Ладно, ещё раз. Праздник. Толпа. Лида. Сцена и... Было что-то ещё. Какой-то взрыв, но не совсем. Он был яркий. Что-то светило отовсюду. Может быть, это был не взрыв, а салют? Точно, - он встал и размял затёкшие ноги. - Салюты

у нас проводят только в день города или на Новый год. Но если это был всего лишь салют, то почему все бежали?».

Эммануил Порфирьевич вышел на балкон, где всё было занято горшками разных размеров: на подоконнике гордо стоял алоэ, стреляя вверх тёмно-зелёными листьями; на стеллаже притаились бегонии с красными цветками и, наконец, гордость Эммануила Порфирьевича – калатея, изумрудные листья которой были испещрены белыми прожилками.

«Они бежали от салюта, а потом Лида со сцены пыталась мне что-то сказать, и я её понимал, – он полил растения и проверил землю – у любимой калатеи просела почва. – Надо купить ещё земли. Зайду в магазин во время прогулки. Что она сказала во сне? Не помню».

Эммануил Порфирьевич вспомнил о жене.

Больничная палата, бледно-зелёные стены обшарпаны и убоги. Бессилие и злость. Тонкая и бледная рука жены, где вены-веточки светятся бирюзой - так красиво и так страшно.

Вечером, прихрамывая на левую ногу, Эммануил Порфирьевич тащил домой из магазина мешок с землёй для калатеи.

Город погрузился во тьму, и мужчина пожалел, что не взял с собой фонарик.

Подходя к дому, он услышал незнакомые голоса. У гаражей неприметно стоял чёрный фургон с тонированными стеклами.

«Что-то тут нечисто».

Он спрятался за деревом и стал наблюдать.

Тихо переговариваясь, незнакомцы нервно оглядывались по сторонам. Эммануил Порфирьевич не мог никого узнать - их лица были скрыты капюшонами.

Внимание его привлекла наклейка со странным рисунком на заднем стекле фургона.

«Где-то я уже это видел...».

Из темноты вышел ещё один тип в капюшоне. Рядом с собой он вёл девушку. Когда она подошла к открытой дверце машины, фонарь осветил её испуганное лицо и связанные руки.

- Валя, - тихо выдохнул Эммануил Порфирьевич.

Теперь он вспомнил, где уже видел этот знак на стекле автомобиля. Точно такой же символ был изображён на две-

ри квартиры Валечки. От ужаса у Эммануила Порфирьевича что-то затрещало и заболело в груди.

Двери машины захлопнулись, и незнакомцы уехали.

Эммануил Порфирьевич вглядывался в темноту, поглотившую Валю и её похитителей.